

А.В. Петров

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ТВОРЧЕСКИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ ФЕДОРА АБРАМОВА И ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научно-исследовательского проекта № 17-14-29005-ОГН
«Живое слово Русского Севера»*

В статье рассматриваются творческие переключки близких по духу русских писателей – Федора Абрамова и Ольги Фокиной, уроженцев Русского Севера, пишущих о судьбе русской деревни, активно использующих в своем творчестве живую народную речь. Особое внимание обращается на взаимоотношения рассматриваемых художников слова, нашедшие отражение в письмах, высказываниях, посвящениях. Предлагается анализ отдельных произведений данных писателей.

Федор Абрамов, Ольга Фокина, диалектизмы, фольклоризмы, окказионализмы, метафора.

Писатель Федор Александрович Абрамов (1920–1983), которого часто называют «совестью народной», поскольку он всей своей жизнью, всем своим творчеством доказал приоритет данной нравственной категории в жизни человека, в очерке «В краю родникового слова» заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [1, с. 31]. Сам он придавал большое значение работе над словом. «Литература без языка – без живородного, сильного, волевого слова – слова-образа – была для него растрачиванием бумаги» [11, с. 148].

Именно живое северное слово, органично вплетенное в ткань художественного произведения, является главным помощником самобытной северной поэтессы Ольги Александровны Фокиной (р. 1937). Она широко известна как представитель народного – «некрасовского» – направления современной русской литературы.

Двух больших русских художников слова – Федора Абрамова и Ольгу Фокину – связывает общность происхождения (оба уроженцы Русского Севера, выходцы из крестьянских семей), общность творческих приоритетов и художественного языка (оба пишут о судьбе русской деревни и большое внимание уделяют живому народному слову), общность гражданской позиции – смелой, непримиримой (в творчестве обоих поднимаются острые социальные проблемы). Понятно, что их человеческие и писательские судьбы не могли не пересечься.

Федор Абрамов на встрече с читателями признавался: «Ольгу Фокину я очень люблю. Я считаю, что из женщин, пишущих на русском языке, можно сказать, это самая талантливая поэтесса. Она, во-первых, очень близка к жизни, у нее всегда в стихах не выдумка, не буквы, не слова – стихи порождены самой

жизнью, там всегда что-то географическое, всегда что-то деревенское, что-то российское, что-то периферийное, то есть то, что она хорошо знает, с чем она родилась на свет, и чем она живет, и к чему она общается. <...> У Ольги Фокиной есть свой язык, по которому ее можно отличить от других поэтов. И это очень хорошо» [1, с. 189]. В своем знаменитом выступлении в телестудии «Останкино» в 1981 году Федор Абрамов также отметил: «Очень дорога мне, очень нежно люблю я Ольгу Фокину, которая представляет мне самым ярким поэтом из женщин» [1, с. 212].

Ольга Фокина в свою очередь признается: «Федор Александрович Абрамов – земляк и родственник по духу всегда умел поддержать и ободрить меня в нужную минуту» [5, с. 140], он, «как брат мне родной, ведь речки нашего детства Содонга и Пинега берут начало в одном болоте, и живет во мне желание пройти пешком от моей деревеньки до его Верколы» [19, с. 15]. Поэтесса вспоминает: «Федор Александрович говорил мне: “О вечном пиши!” А я только так и умею писать...» [14, с. 69].

В 1970 году Ольга Фокина прислала Ф.А. Абрамову сборник своих стихов (Архангельск, 1969) с надписью: «Федору Александровичу Абрамову, родному человеку и любимому писателю, с благодарностью». На присланную книгу Федор Абрамов откликнулся письмом от 1 ноября 1970 года, где, в частности, заметил: «Дорогая Оля! Два раза перечитал ваши стихи и одно могу сказать: прекрасно! Все в них такое родное, знакомое, пережитое – за душу хватает. И *чистое!* Да, да! Редкая у вас чистота и искренность. И дай Бог Вам пронести эту чистоту через всю жизнь. Потому что сами понимаете: какая может быть поэзия без чистоты и искренности» [4, с. 121]. Здесь показательна переключка основной характеристики, данной писателем творчеству поэтессы, с названием самого заветного его собственного труда – оставшейся незавершенной «Чистой книги». В авторском предуведом-

лении к ней он пишет: «Но Чистая книга дается только чистому человеку. И до нее надо дорасти. Отсюда принцип – личного самосовершенствования» [22, с. 8].

Необходимо отметить, что как в поэзии Ольги Фокиной, так и в прозе Федора Абрамова черты северных говоров не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей их художественной речи, для них северный говор – родной, материнский язык, им не нужно пересиливать себя, выискивать, собирать, запоминать, осваивать северную лексику, особенности северной фонетики и грамматики, чтобы вставить их в свое произведение как номинативное или образное средство, они буквально «транслируют» северный говор в художественный дискурс, становясь проводниками и защитниками родного языка, тем самым повышая его статус.

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Идейное содержание, образный строй произведения только выигрывают, если писатель умеет эффективно распорядиться почерпнутыми из неиссякаемого родника народной речи номинативными и выразительными средствами.

Федор Абрамов сказал в одном из интервью: «В своем творчестве я ориентируюсь прежде всего на звучащую устную современную речь. Деревенская речь современного Севера – а все мои герои, как правило, оттуда – неисчерпаемая кладовая. Север хранит заповедный русский язык, и в частности моя Пинега. Возьмите наше слово “зарод”, равнозначное общерусскому “сток”. Со сколькими словами оно связано!.. “Природа”, “зародыш”, “родник” (в двух значениях), “народ”, “сродник”... Воистину выплеснулось из родникового языка...» [1, с. 448–449]. Он был убежден в том, что «писатель должен быть не столько словотворцем, сколько словодобытчиком» [1, с. 489].

Покажем использование диалектизмов Федором Абрамовым как проявление языкового мастерства писателя на примере беловых глав его незаконченного романа «Чистая книга».

Номинативная функция диалектизмов направлена на создание местного колорита: *Вся эта сряда досталась ему от покойного отца, который любил при случае щегольнуть* – лексико-словообразовательный диалектизм *сряда* выступает в значении ‘нарядная праздничная одежда’ [СРНГ, вып. 40, с. 331]; *И понеслась, полетела на навозниках первая хваленка Копаней* – слово *хваленка* имеет значение ‘девушка-невеста’, называют ее так, потому что все ее хвалят, в словарях встречается толкование ‘расхваленная девушка, женщина’ [СУ], здесь используется по контрасту со словом *навозники* в значении ‘сани для перевозки навоза’.

Характерологическая функция диалектизмов предполагает речевую характеристику героев, вот так, например, говорит Махонька, одна из любимых героинь Абрамова: *Ой-ой, любеюшко! Запомнил; – Загунь! – с ходу обрезала его Махонька; – Голубанушко, да ты-то чего испугался?; Дак тот распалился и сына нарушил; Мужичонка попался некорыстный, пьеница... Бывало, каку копейку заробит, ту и про-*

плет. Обращают на себя внимание диалектизмы: фонетические (*пъеница, каку*), грамматические (союзная частица *дак*) и лексические (*нарушить* ‘убить’ [СРНГ, вып. 20, с. 139], *загунуть* ‘замолчать, уняться’ [СРНГ, вып. 10, с. 37], *любеюшко, голубанушко* ‘ласковое обращение к собеседнику’).

Стилистическая функция диалектизмов связана с созданием художественной выразительности: *Зайко в лесу все кусты знает, а я разве не заяц в людской пороце?* – сравнение (словарь фиксирует значение слова *поро́ца* ‘ровесники, одно поколение’ [СРНГ, вып. 30, с. 89]); *На печи, свесив коротенькие ножки, сидел старьий-престарьий обабок с потухшими, незрячими глазами. Ну разве это Махонька?* – метафора (*обабок* в значении ‘гриб’ [СРНГ, вып. 21, с. 340]).

Федор Абрамов на полях подаренной ему книги О. Фокиной «От имени серпа» пометил: «Современный Кольцов в юбке. Больших обобщений не жди, но уж зато житейская правда на 100 с лишним. / Смелая. Я иногда стесняюсь употреблять некоторые слова (слишком местно), а Ф. – нет. Сколько хороших полузабытых слов или слов, которые стыдился сам употреблять. Сколько радости, задора, жизнелюбия. Читаешь – и летом, травой, водой пахнет вокруг. / Свежее восприятие труда. Любовь к труду. / Игра словом» [12, с. 376].

Писателю-земляку Ольга Фокина посвящает поэму «Малина твоя» («Хозяйка») (1976), которая является очень созвучной его творчеству. В ней поднимаются острые социальные и нравственные проблемы, создаются яркие образы жителей северной деревни, так же как и в произведениях самого Ф.А. Абрамова. Отвечая на вопрос журналиста: «Вы были знакомы с Абрамовым?», поэтесса ответила: «Да. Он очень тепло относился к моему творчеству. Прочитав отрывок из моей поэмы “Малина твоя”, он написал мне хвалебное письмо. И я решила посвятить поэму ему. Когда я спросила его об этом, он ответил: “С удовольствием!”» [21, с. 7].

Поэма «Малина твоя» наглядно представляет подлинную живую речь носителей северного говора: *Ну-ко-се, женки, / Как он, квасок? / Уж извиняйте, / Что – из братыньки, / Не попеняйте, / Я – по старинке. / Снилось мне ныне / Экая блажь: / Брага – в братыне... / Тоня, уважь! – / Ух! – / Рукавами / Вытерты рты. / Снова с краями / Полна братынь – ‘медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам’ [АОС, вып. 2, с. 106]; содержит элементы северного фольклора: *Дождик, лей, дождик, лей / На меня и на людей... / Пятый день идет, злодей! / ...На людей – по крошке, / На меня – по ложке!* – закличка; *А мои катанцы-то серые / И шуба серая! / Ничего, что ростом маленька, / По роду – смелая!* – частушка. Ш.З. Галимов отмечает в поэме «мысль о неистребимости самого народного духа, о вечности народных традиций, о их великой всепобеждающей силе» [7, с. 126].*

Н.П. Веселова убеждена: «В народной речи каждое слово несет в себе столь яркую эмоциональную окраску, что настоящий поэт никогда не заменит его на общепотребительное, живущее в словаре. Так поступает и Ольга Александровна Фокина. Она не

опасается вставлять в свои строки слова диалектные или используемые с нарушением норм – ведь все это часть ее собственной жизни и речи, а не “экспрессивные средства языка”, как для кого-то. <...> Она почти не делает к ним пояснений, потому как из контекста становится ясно, о чем речь. А если и остаются вопросы, то почему бы читателю не попытаться вникнуть в первооснову языка и не восхититься потаенным смыслом слов, украшавших прежнюю жизнь?» [3].

В различных интервью поэтесса неизменно отдает дань уважения северному говору, как, например, здесь: «Пишу я стихи не для столичного жителя, а для того, чтобы рассказать, какие наши северные люди, какая у нас красивая говоря. Родина – это язык плюс территория. Может быть, злоупотребляю диалектизмами, но сельчане, надеюсь, меня поймут. Иногда приукрашиваю, усиливаю эффект» [20, с. 3]. Подробнее об использовании диалектизмов в творчестве Ольги Фокиной см. в нашей книге [13, с. 95–157].

Ольга Фокина статью, посвященную 60-летию юбилею Ф. Абрамова, озаглавливает «Живая вода» [18]. И это не случайно. Большая часть статьи посвящена именно заглавному образу – живой воде северных ручьев, родников, рек, болот, их образному описанию: *Но как ни торопятся реки, как ни поката, если глянуть на глобус, архангельская земля к Северному полюсу, далеко не вся вода успевает скатиться к Ледовитому океану. Много, ох как много остается ее в сторонке от реки, в низких болотинах, в лесных уреминах и лывах. Живая и вольная, она поначалу долго не успокаивается, бродит и вздыхает, бродит и вздыхает, ища привычного и необходимого ей движения, но уже не слышит ее лес, оглушенный всемым гомоном пернатых гостей, не подсказывает тропинки, по какой можно бы ей отсюда выпутаться.* В номинативной функции здесь используются лексические диалектизмы: *уремина*, *урема* ‘мелкий лес и кустарник, растущий в низменных долинах рек’ [СУ], *лыва* ‘низкое, сырое, непросыхающее место в лесу, на лугах’ [СРНГ, вып. 17, с. 216] (к слову, у Абрамова много таких словечек: *озерина*, *луговина*, *ручьевина*). Уместно употребляется метафора, основанная на олицетворении: вода, одушевляясь, действительно становится живой и приобретает свойственные живому существу свойства.

Далее О. Фокина переходит к описанию талантливых людей-северян: *Северное население вообще — в силу своей многовековой удаленности от привычных благ цивилизации и сквознячка беспривязности, в силу постоянного напряженного единства-соперничества с суровой природой — население своеобразное. Без мечты о прекрасном, без претворения этой мечты в дело северному человеку не обойтись.* И дальше выводит общие рассуждения к характеристике героя повествования, раскрывая основную метафору статьи: *Огромный напор потенции народного духа высоко поднимает своих избранных и несет их буквально на крыльях. Чтобы совладать с этим напором веками накопленных сил, обретающему русло надо быть Настоящей Личностью. Иначе — не довести ему эти силы из глухого застойного болота до моря-океана человеческого самосознания. Такой Личностью мне представляется писатель Федор Абрамов.*

А потом Ольга Фокина рассказывает о своих первых читательских впечатлениях о произведениях Абрамова: *...с замиранием сердца прочла я сначала главами, а потом, пораженная, повторила вслух первые строчки его книги «Братья и сестры». Случилось это в конце пятидесятых годов, на дальнем колхозном сенокосе в верховьях нашей речки Содонги.* Вот эти эмоционально наполненные строки дебютного романа Абрамова: «Помню, я чуть не вскрикнул от радости, когда на пригорке, среди высоких плачущих берез, показалась старая сенная избушка, тихо дремлющая в косых лучах вечернего солнца».

Дальше автор статьи пишет: *С тех пор каждая новая книга, каждый рассказ Федора Абрамова для нас — праздник. Их — никогда не сладких — ждешь, ищешь, проглатываешь в нетерпении, перечитываешь снова. Живые сегодняшние люди, острые сегодняшние проблемы населяют его произведения. Его пристальный, объективный, исследовательский, неслепой, пронзительный взгляд, предугадывающий судьбы, — способен на волшебство. Обращает на себя внимание однородный ряд эпитетов, емко и точно характеризующий взгляд писателя на окружающий его мир.*

Находится в статье место и традиционному народному прозвищу пинежан: «Пиньжаки – колдуны». *Эта, пугающая с детства мамина поговорка неожиданно подтвердилась теперь волшебством печатных строк настоящего «пиньжака».* И вот здесь-то и появляется повторенная потом в ряде интервью сентенция, указывающая на духовное родство поэтессы с великим пинежанином: *Да и реки наши — Пинега и Содонга — берут начало из одного болота.* Заканчивается статья символично торжественно: *Хочется принести ему в берестяном туеске воду, взятую из Нашего Болота, чтобы она, как заговорная, как из сказки, «живая», давала неиссякаемую силу его вере, его совестливости, его любви, его жизни, его таланту.* Можно сделать важный вывод: живая вода, питающая творчество и Фокиной, и Абрамова, из одного источника – из живой народной культуры, из чистого родника народной речи.

Образ живой воды встречается в повести Ф. Абрамова «Алька»: Христофоровна рассказывает о городских студентках: *Я говорю: чем так у нас пондравилось — третье лето подряд ездите? Смеются: За живой водой, говорят, бабушка...;* и затем та же героиня замечает: *— Нельзя, нельзя человеку без живой воды, — говорила Христофоровна. — Вот и ищут ее люди, кто где может. По всему свету шарят...*

В 1980 году О.А. Фокина посылает Ф.А. Абрамову свою книгу «Буду стеблем» (М., 1979) с комментарием: «старые стишонки в новой рубашонке» [4, с. 122]. Ф.А. Абрамов ответил поэтессе письмом, датированным 22 апреля 1980 года: *Дорогая Ольга Александровна! Спасибо за стишонки в яркой рубашонке, за «Малину». С удовольствием прочитал. Вот уж словечушко-то где родное! Думаю, я в ладу с деревенской жизнью, но куда мне до Фокиной! И за статейку спасибо! Можете переходить на прозу. Очень поэтично и ясно* [2, с. 340]. Вряд ли можно подвергнуть сомнению искренность восторженных отзывов писателя и о стихах, и о поэме, и о статье, и о

«родном словечушке» поэтессы, впрочем, как и неподдельность эмоционального признания: «куда мне до Фокиной!» Дважды Ф. Абрамов передает приветы О. Фокиной в письмах, адресованных Василию Белову: *При случае передавай привет и Ольге Фокиной* (14 октября 1977); *И Оле Фокиной кланяйся* (13 мая 1981) [16, с. 179–180].

Примечательно, что литературовед Валерий Демин обратил внимание на сходство лирической героини поэтессы с любимой героиней писателя: «Если искать художественные аналогии, то близость лирической героини Ольги Фокиной скорее всего можно увидеть с Лизой Пряслиной, сестрой “большака” Мишки Пряслина из романа Федора Абрамова “Две зимы и три лета”. Они – ровесницы, у них за плечами военное детство, обе выросли в Придвинье, и в характере обеих есть уступчивость и дерзость, гордость и робость, прямота и застенчивость, которая воспитана всем северодвинским бытовым укладом» [10, с. 445–446]. Фокина заметила, что этим высказыванием критик немало ей польстил, и продолжила: «Но такую же родственность и похожесть с абрамовскими обнаружат, я уверена, сотни и сотни наших северных деревушек, тысячи и тысячи их жителей» [17, с. 4].

В газетной статье «Высокая мера», выход которой был приурочен к юбилею Федора Абрамова, Фокина емко и точно характеризует значение творчества писателя-юбиляра, его творческое и жизненное кредо: *Он очень верно настроен, сложный, богатый духовный инструмент этого писателя, потому его нефальшивый запев легко поддержать каждому, имеющему голос, и даже безголосым захочется запеть, то бишь задуматься о своей жизни и что-то сдвинуть в ней непременно в хорошую сторону. Простота и непринужденность авторского повествования, насущность вопросов, которые он ставит, картины быта, которые рисует, настолько близки и обыденны, что, кажется, вовсе и не книгу читаешь, а живешь в описываемой деревне, общаешься каждодневно с ее многоликим населением и страдаешь его страданиями. Ни намек на выдуманность или нарочитость образа или слова, ни тени писательского самолюбования, – все всерьез и для дела, не для себя, а для людей. Видеть жизнь в лицо и не отводить взгляда от глаз правды, говорить, как и жить, только по совести – это может далеко не каждый. А Федор Абрамов другого образа жизни для себя не мыслит, ибо только этот считает единственно верным и достойным настоящего человека. Правдой и совестью, трудом и любовью бесстрашно испытывает он своих героев и не дает никакой поблажки тем, кто не выдерживает этих испытаний. Страстно любящий людей и родную землю, он чутко улавливает в человеке все, что недостойно истинной любви, и горячо борется за высокое совершенство дел и душ человеческих. Земля прекрасна, она вскормила и вспоила нас, она щедра и отзывчива на любовь и заботу – будьте же, люди, умелыми, заботливыми, дальновидными и любящими хозяевами своей деревни, страны, земли! – таков страстный призыв всех его произведений* [17, с. 4].

Сопоставим данные заключения О. Фокиной с высказываниями самого Ф. Абрамова, прежде всего, о

совести и правде, и увидим, что они совпадают по существу, по духу: *Что я понимаю под душевной работой каждого? Это самовоспитание, строительство собственной души, каждодневный самоконтроль, каждодневная самопроверка высшим судом, который дан человеку, – судом собственной совести. Совесть – это как раз та сила, которая помогает сдирать с человека коросту эгоцентризма, коросту всякой затхлости. Это та сила, которая выводит человека на пути широкого братства, требовательности к себе и людям* [1, с. 227–228] – это фрагмент его знаменитого выступления в телестудии «Останкино» в 1981 году; *Всякое умаление правды – самая большая вина писателя. Правда – это самое элементарное условие искусства. Вне правды о каком-то искусстве вообще нельзя говорить <...> Правда всегда нравственна. Правда в конечном счете всегда возвышает и поднимает человека. И если что и способно сделать человека Человеком, так это прежде всего правдивое искусство* [1, с. 416] – из интервью 1976 года, озаглавленного «Писательство – это честный разговор о жизни».

Памяти Федора Абрамова Ольга Фокина посвящает несколько поэтических произведений. Непосредственно на его смерть поэтесса откликнулась стихотворением «Путь на Верколу», которое на похоронах по ее просьбе прочитал Василий Иванович Белов. Впервые опубликовано оно было накануне печального дня 18 мая 1983 года в газете «Советская Россия». Шамиль Галимов вспоминает: «В тот день негреющее северное солнце долго не заходило над Верколой, долго не утихали над Пинегой ранившие крики чаек, а в душе у каждого нескончаемо томительно звучали прощальные строчки стихов Ольги Фокиной, прозвучавшие над могилой» [8, с. 245–246].

Стихотворение построено в форме народного плача по родному близкому человеку. Здесь органично в качестве выразительного средства используется название родной деревни писателя – Верколы на реке Пинеге, трижды поэтесса обращается к ней по имени, призывая совершить поминальный обряд по усопшему сыну: *Занавешивай, Веркола, / Светлой Пинеги зеркало / Плотным платом тумановым, / За ночь сотканым заново* – метафорически осмыслиется народный обычай завешивать зеркала в доме покойного; слово *плат* ‘платок’ [СУ] в словаре имеет помету – народно-поэтическое.

Фольклорный характер стихотворения подчеркивается воспроизведением традиционного ритма причитания: *Твоему сыну, Веркола, / Приусталось, призаснулось* – при этом происходит смещение ударения, данная строка рифмуется со строкой: *Не гремит молоток о гвоздь*; использованием специфических языковых средств – фольклоризмов: уменьшительно-ласкательных суффиксальных образований: *Пригнети его, Веркола, / Чтоб не смела просверкивать / Ни полна озеринушка, / Ни шумна ручьевинушка* – здесь употребляются диалектизмы: *озерина* ‘низкое место, низина (там, где бывает вода)’ [СРНГ, вып. 23, с. 90]; *ручьевина* – ‘ложе ручья, ложбина, по которой иногда течет вода’ [СРНГ, вып. 35, с. 277]; *Огради его дернышком / От дождя и от солнышка...*; усеченных и стяженных прилагательных: *Постели ему бел-песок, /*

Поцелуй его в лоб высок – в первом случае формируется сложное наименование, на основе атрибутивного словосочетания; *Ни полна озеринушка, / Ни шумна ручьевинушка*.

Органично в контекст стихотворения вводится окказионализм *разоцветший* в значении ‘находящийся в разгаре цветения’: *Накрои не ко времени / Разоцветшим черемухам / Лоскутов ночной темени, / Разбросай по хмельным кудрям*; выразительное обыгрывание однокоренных слов: *Ходких ходиков маятник / Придержи, чтоб не стукали*.

Через два года появляется стихотворение О. Фокиной «В Верколе ставят сена...» с посвящением *Поминальное – Федору Абрамову* (1985), оно выдержано в форме разговора лирической героини с покойным писателем, который ей как будто бы отвечает из гроба: *В Верколе ставят сена. / Кос отбиваемых звоны / Как пропускает стена, / Сказывай, сыне законный / Нежно любимой земли, / Ею засыпанный щедро, / Всем, кто пока не легли / В те потаенные недра*; и в финале мы слышим голос Абрамова: *Ладно. Добро. Хорошо. / Веду. Чувствую. Слышу*. Показательно, что при обращении поэта использует архаичную звательную форму *сыне* как элемент высокого стиля.

В стихотворении речь идет о сенокосной страде, которая могла бы порадовать писателя, поскольку жива его родная деревня Веркола, поскольку погода благоприятствует трудам земляков, да и сам он как истинный крестьянский сын с радостью взялся бы за дело: *Рвался, поди, подсобить? / Жаль, что родные забыли / Рядом с тобой положить / Косу, да грабли, да вилы. / Ты бы пострадал властью!* – язык и ритм стихотворения максимально приближен к спонтанной живой разговорной речи. Обращает на себя внимание оптимистический настрой произведения: *...В срок завершилось дело: / Туча в Двину пролилась, / Верколу – нет, не задела. / Град стороною прошел. / Иней картошку не выжжет...* Это тот особый оптимизм тружеников земли, о котором ратовал великий писатель-деревенщик Федор Абрамов.

Еще одно посвящение Ольги Фокиной «Ваш родной, ваш лесной уголок...» от 1 марта 1995 года выразительно характеризует жизнь и творчество Федора Абрамова, которые в большей степени раскрываются и проявляются именно в его родных местах (вспомним, что книга А.М. Туркова о Федоре Абрамове начинается с описания его родины – Русского Севера, Верколы, ведь «чтоб понять поэта, надо посетить страну поэта, заметил однажды Гете» [15, с. 3]): *Ваш родной, ваш лесной уголок. / Ваш земной, земляной бугорок. / Дом, соседи, родные, друзья... / На виду биография вся. / Нараспах – горевая душа... / И крылато страницы шуришат. / И струится родной говорок / Вдоль земных и небесных дорог*. Сочетание *горевая душа* подчеркивает всегдашнюю обеспокоенность писателя за судьбу родного края, родного народа, родной страны.

В финале стихотворения подчеркивается, что физическая смерть – это не предел, поскольку живы книги, мысли, душа писателя: *Смерть телесная – разве предел? / Тело – в землю, но дух – отлетел. / И касанья его – горячи, / Словно пламя горячей свечи*.

И вновь обратимся к книге А.М. Туркова: «Когда умер один из талантливейших пинежских мастеров,

Абрамов одно время набрасывал “посмертное письмо другу”: “Может, в той могилке, над которой я стою, и укрыты твои останки, но духа там твоего нет, твой жизнелюбивый, твой деятельный, беспокойный дух с нами. А значит, и ты живешь меж нас (с нами)”. И трудно лучше сказать о самом авторе этих строк...» [15, с. 232].

Действие всех трех поэтических посвящений Ольги Фокиной Федору Абрамову разворачивается у могилы писателя, однако в них говорится в большей степени о его «беспокойном, деятельном духе».

«Открытая, активная публицистичность, интонации гнева, негодования, протеста», появляющиеся в поэзии Ольги Фокиной в конце 1980-х – 1990-е годы, делающие ее «по-настоящему гражданской» [9, с. 51], созвучны публицистике Федора Абрамова, вызывающей «к прозрению, самоочищению, к активному действию во имя возрождения России, народа, человека» [12, с. 36].

«Лирическая героиня вбирает в себя беды и горести родной земли и всей страны, ее голос становится голосом страдающей крестьянской России <...> становится защитницей, воительницей, пытающейся противостоять силам, грозящим разрушением самого ценного для нее и для тех, с кем она себя отождествляет» [9, с. 52], – пишет Е.Ш. Галимова о публицистической, остросоциальной поэзии Фокиной.

Л.В. Крутикова-Абрамова отмечает: «Главное и особо значимое достоинство публицистики Абрамова – в ее одухотворенности, в неразрывности проблем социально-экономических и нравственных, духовных <...> нельзя возродить Россию, ее хозяйство, ее опустевшие деревни, запущенные поля и пашни, не возродив, не улучшая самого человека» [12, с. 56].

Родство духа Федора Абрамова и Ольги Фокиной очевидно. Ш.З. Галимов пишет: «Самое сокровенное чувство в поэзии О. Фокиной – чувство безмерной любви к родимой земле, к северной лесной деревеньке, к тихим перелескам, косогорам, ивушкам. Об этом лирическая героиня ее стихов умеет сказать по-крестьянски истово, напрямик, словами обжигающими, идущими из глубины души. <...> Героиня чтит свою родословную, гордится своим крестьянским корнем, деяниями отцов и дедов – извечных хлеборобов. Она сама мечтает всю жизнь идти по той же легкой и негромкой стезе, лишь бы не нарушались народные основы жизни, бережно сохранялись вековые традиции. <...> Такой своей настроенностью, ощущением кровной связи с народной почвой стихи Ольги Фокиной близки эмоциональному пафосу лучших образцов нашей прозы – произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, Н. Жернакова, В. Личутина» [6, с. 4].

Федор Абрамов в своем выступлении на VI съезде писателей СССР, озаглавленном «О хлебе насущном и хлебе духовном», утверждал: «Деревня – наши истоки, наши корни. Деревня – материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер» [1, с. 37], а в речи в день своего шестидесятилетия сказал: «Русская деревня – это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык» [1, с. 175].

Таковы творческие, человеческие, духовные переклички Федора Абрамова и Ольги Фокиной, подлинных художников слова, совестливых и правдивых радателей за судьбу русской деревни, русского народа, изумительных певцов Русского Севера.

Список сокращений

АОС – Архангельский областной словарь. – Москва, 1980–2015. – Вып. 1–16.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2014. – Вып. 1–47.

СУ – Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>

Литература

1. Абрамов, Ф.А. Чем живем-кормимся: Очерки; Статьи; Воспоминания; Литературные портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления / Ф.А. Абрамов. – Ленинград: Сов. писатель, 1986. – 528 с.

2. Абрамов, Ф.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Санкт-Петербург: Худож. лит., 1995. – Т. 6: Повести и рассказы. Путевые заметки. Об Александре Твардовском. Письма. – 621 с.

3. Веселова, Н.П. Ольга Фокина. Избранная [Электронный ресурс] / Н.П. Веселова. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/12/1931>

4. В мире Федора Абрамова / изд. подг. Л.В. Крутикова-Абрамова и Г.Г. Мартынов. – Санкт-Петербург: ЛИК, 2005. – 384 с.

5. В своей семье – в своей стране: диалог Ольги Фокиной и Василия Оботурова // Наш современник. – 1985. – № 3. – С. 138–140.

6. Галимов, Ш.З. Верность / Ш.З. Галимов // Правда Севера. – 1977. – 25 июня. – С. 4.

7. Галимов, Ш.З. Постижение времени / Ш.З. Галимов // Север. – 1979. – № 10. – С. 121–128.

8. Галимов, Ш.З. Федор Абрамов: Творчество, личность / Ш.З. Галимов. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. – 251 с.

9. Галимова, Е.Ш. Поэзия Архангельского Севера XX–XXI веков: учебное пособие / Е.Ш. Галимова. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – 246 с.

10. Дементьев, В.В. От имени серпа: О. Фокина / В.В. Дементьев // Дементьев В.В. Исповедь земли: Слово о русской поэзии. – Москва, 1980. – С. 441–461.

11. Золотусский, И.П. Федор Абрамов: Личность. Книжки. Судьба / И.П. Золотусский. – Москва: Сов. Россия, 1986. – 160 с.

12. Крутикова-Абрамова, Л.В. Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения / Л.В. Крутикова-Абрамова. – Санкт-Петербург: АТОН, 2003. – 416 с.

13. Петров, А.В. «Простые звуки родины моей...». Язык поэзии Ольги Фокиной: монография / А.В. Петров. – Архангельск: КИРА, 2017. – 199 с.

14. Попов, С.В. Встречи / С.В. Попов. – Ростов-на-Дону, 2011. – 76 с.

15. Турков, А.М. Федор Абрамов: Очерк / А.М. Турков. – Москва: Сов. писатель, 1987. – 240 с.

16. Федор Абрамов – Василию Белову: Письма 1965–1981 // Север. – 2000. – № 5–6. – С. 163–180.

17. Фокина, О.А. Высокая мера. К 60-летию писателя Федора Абрамова / О.А. Фокина // Красный Север. – 1980. – 29 февр. – С. 4.

18. Фокина, О.А. Живая вода. К шестидесятилетию со дня рождения Федора Абрамова / О.А. Фокина // Нева. – 1980. – № 2. – С. 185–186.

19. Фокина, О.А. «И каждый читатель как тайна» / О.А. Фокина; записала Н. Серова // Книжное обозрение. – 1986. – 27 июня. – С. 15.

20. Фокина, О.А. «Прозой баю, а поэзия – бай-бай...» / О.А. Фокина // Знамя (Красноборск). – 2005. – 30 авг. – С. 3.

21. Фокина, О.А. Задают тон формалисты / О.А. Фокина // Литературная Россия. – 2010. – 26 февр. – С. 7.

22. Чистая книга Федора Абрамова. – Архангельск, 2015. – 384 с.

A.V. Petrov

INTERCONNECTIONS IN THE WORKS OF FEODOR ABRAMOV AND OLGA FOKINA

The article deals with the interconnections in the works of two Russian writers – Feodor Abramov and Olga Fokina, kindred spirits, the natives of the Russian North, who wrote about the destiny of the Russian village and actively used common people's speech in their books. The main focus is on the two wordsmiths' relationship, reflected in letters, statements, dedications. The article also includes an analysis of the writers' certain works.

Feodor Abramov, Olga Fokina, dialectisms, folklorisms, occasionalisms, metaphor.